

Magdalena Wojciechowska
Uniwersytet Kazimierza Wielkiego

**ТЕМА ПРАВЕДНОСТИ
В РОМАНЕ *ЛАВР* ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТОЛСТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ
*ОТЦА СЕРГИЯ***

**The Theme of Righteousness in the Novel *Laurus* by Evgeny Vodolazkin
Through the Prism of *Father Sergius* Tolstoyan Tradition**

ABSTRACT: The article is a presentation of the subject of a lawyer in the Russian literature of two eras – the second half of the nineteenth century and the beginning of the twenty-first century. The object of comparative analysis are two literary texts: the first is the story by Leo Tolstoy – “Father Sergius” (1911), the second is a novel by the modern Russian writer – Evgeny Vodolazkin, which entitled “Laurus” (2012). The author of the article concludes that the multifariousness of the life of lawyers in both writers underlines their life experience on the way to holiness. An important element of the characters’ description is their sinfulness, in particular the fight against their own pride and human passion. In the case of Leo Tolstoy, the image of his literary right-wing was influenced by the writer’s views on the essence of holiness and the complex human-God relationship. In their portraits of heroes striving for spiritual perfection, both Tolstoy and Vodolazkin show a connection with the genre of hagiography.

KEYWORDS: the righteous, saints, novels, the comparison, Tolstoy, Vodolazkin, hagiographic genre

Евгений Водолазкин в 2012 году опубликовал роман под заглавием *Лавр* и сразу в подзаголовке к произведению назвал его «неисторическим». Таким образом на первый план рассказываемой им истории о герое выдвигается философский аспект текста – о смысле жизни современного человека на земле, о его религиозных идеалах, возникших, несомненно, на почве русской культурной традиции. Поиски положительного типа героя характерны и для

персонажей толстовской прозы. На этом основании цель наших наблюдений – сравнить роман *Лавр* Водолазкина с избранным произведением Льва Толстого позднего периода его творчества, в котором тема праведности¹, по нашему мнению, играет значительную роль. Объектом исследования становятся аналогии и различия в художественной реализации героя типа праведника как у Толстого, так и у Водолазкина. В сравнительном анализе *Лавра* Водолазкина мы обратимся к неоконченной повести Льва Толстого *Отец Сергей* (1911)².

Причем стоит добавить, что в русской литературной традиции, особенно благодаря творчеству Николая Лескова³, понятие «праведника» перешло в сферу обыденной жизни и часто выходило за рамки церковного понимания святости⁴, хотя первично означало:

(...) название святых, пребывавших в мире, не в отшельничестве или монастыре, а в обычных условиях семейной и общественной жизни, и в частности святых ветхозаветных, нр. «праведный Ной», праведные Симеон и Анна⁵.

Похожий способ осмысления праведности характерен и для автора *Детства*, который в своем литературном наследии пытался дать характеристики праведных героев, часто однако ссылаясь на их несовершенство и ущербность. Поэтому герой типа праведника будет для нас представлять собой человека, стремящегося к правде жизни, к ее истине, к близости к Богу. Тип праведного героя оказался настолько интересным, универсальным и одновременно вневременным топосом традиционной русской литературы и культуры, что нашел и свое место в современной литературе XXI века, в том числе

¹ Праведники в литературном наследии Льва Толстого появлялись в разные периоды его жизни, например: юродивый Гриша, няня Наталья Савишна представлены в *Детстве* (1852), праведные сапожник Семен и ангел в народном рассказе *Чем люди живы* (1881), Константин Левин в *Анне Карениной* (1878).

² Повесть *Отец Сергей* Л.Н. Толстой писал 1890–1898 гг. Но она была опубликована только в 1911 году. На написание повести повлияли и биографические факты: поселение сестры писателя Марии Николаевны в Белевский женский монастырь осенью 1889 г., визиты в Оптиной пустыни в 1877, 1881, 1890 годах, беседы со старцем Амвросием. См. М.А. Можарова, *Последнее посещение Л.Н. Толстым Оптиной пустыни*, <https://www.optina.ru/pub/p24/> [5.05.2019].

³ Николай Лесков создал богатую галерею русских «положительных типов» в своем неоконченном цикле рассказов о «праведниках» (1879–1889). Среди них можно перечислить такие рассказы, как *Однород, Пигмей, Кадетский монастырь, Несмертельный Голован, Русский демократ в Польше, Инженеры-бессеребренники, Человек на часах*. См. Л.А. Капитанова, *Н.С. Лесков в жизни и творчестве*, Москва 2002, с. 64–66.

⁴ См. А.А. Горелов, *Русская литература и фольклор*, Ленинград 1987, с. 131.

⁵ *Энциклопедический словарь*, под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефронь, т. XXIVA, Санкт-Петербург 1898, с. 850.

и в романе Евгения Водолазкина под заглавием *Лавр*. Далее следует подвести итоги наших теоретических замечаний относительно типа положительного героя. Итак, праведником можно назвать святого, который прославился своими подвигами и святостью также в обычной мирской жизни, а не только в монастыре. Праведник, как правило, это человек спокойный, безмятежный, живущий по заповедям веры, он справедлив, честен и добр. Сила его нравственного примера чрезвычайно велика, а его главным признаком праведности является смирение. Праведник это всегда почитаемый человек, мудрец, задающий планку нравственных требований, понятий, поступков⁶. Согласно нашим замечаниям насчет осмысления понятия «праведника» в православии, стоит отметить, что праведность человека, понимаемая как качество личности, проявляется в способности любить Бога, руководствоваться всегда в жизни его законами. Чаще всего праведный тип жизни ведут люди ни в чем не погрешающие против нравственности и морали⁷.

Среди традиционных русских ценностей выделяется необходимость совершенствования морального состояния, стремления русского человека к идеалу и святости, а прежде всего к духовной свободе. Постараемся доказать, что эти идеалы свойственны как для русской литературы XIX века, так и для современной русской литературы первых двух десятилетий XXI века. Итак, в лице героя толстовской повести – Степана Касатского и Лавра в романе Евгения Водолазкина авторами предпринята попытка создать образ идеального, праведного героя, основой существования которого является самоотречение, любовь к людям, близость к природе и самое важное – жизнь в гармонии с Богом. Писателями ставится еще один существенный вопрос: возможна ли жизнь праведника без сомнений и свойственной человеку греховности? На этот вопрос попытаемся ответить в конце наших замечаний.

Для тщательного представления особенностей главных праведных персонажей интересующих нас литературных текстов, стоит дать их характеристики, отмечая, однако, в самом начале сильную связь их судеб с традицией средневековой письменности. В обоих случаях как Лев Толстой, так и Евгений Водолазкин – ссылаются на древнерусские традиции, а особо агиографии и хождения. Причем житие является одним из основных эпических жанров церковной словесности, объектом изображения которого является подвиг веры, совершаемый историческим лицом или группой лиц (мучеников веры,

⁶ *Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога*, ред. В.С. Безрукова, Екатеринбург 2000, с. 606.

⁷ *Толковый словарь русского языка*, под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведова, Москва 2002, с. 576.

церковных или государственных деятелей)⁸. Чаще всего подвигом веры становится вся жизнь святого. Одним из основных жанровых подвигов жития является описание всего жизненного пути героя, от его рождения до смерти. Самым главным назначением жития является его дидактическая и назидательная функция. Подвиги и гармоничная жизнь героя рассматриваются как пример для подражания, а его боль и страдание – как символ Божественной избранности. Житие как правило отвечает на сложные, центральные вопросы человеческого бытия: о смысле жизни, цели страдания, смерти и вольного выбора человека⁹. В повести Льва Толстого *Отец Сергей* связь с житийными традициями вполне ощутима¹⁰. В этом произведении яснополянский писатель пытался обличить монашество, показать его духовную несостоятельность¹¹. И, как замечает исследовательница темы житийных традиций в повести *Отец Сергей* – Ирина Юртаева:

В справедливости сделанного предположения убеждает сама композиция сюжета повести. Сначала дается «житие» церковного «праведника» отца Сергея, затем описывается его духовный кризис и падение с купеческой дочкой, а завершает произведение «житие» праведницы Пашеньки, призванное еще в большей степени разоблачить несправедность «жития» бывшего монаха-отшельника и указать ему истинный путь «воскресения» души. Кроме того, некоторые исследователи выделяют и «житие» кающейся блудницы Маковкиной¹².

Из данной цитаты вытекает, что в толстовской повести на самом деле представлены три жития: Степана Касатского, праведной женщины – Пашеньки и вернувшейся на праведный путь – Маковкиной. В случае володазкинского романа – читатель знакомится с «житием» главного героя Лавра, затем с биографиями двух эпизодических лиц юродивых – Фомы и Карпа. Учитывая аспект присутствия в обоих анализируемых литературных текстах несколь-

⁸ A. Markunas, T. Ucztiel, *Leksykon chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polsko-rosyjski*, Poznań 1999, с. 77.

⁹ *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, ред. А.Н. Николюкин, Москва 2003, с. 267–270.

¹⁰ А.Б. Тарасов в своей книге *Что есть истина? Праведники Льва Толстого* отмечает, что яснополянский писатель интересовался монастырской темой и читал, нр., *Житие иже во святых Отца нашего Леонида, Жизнеописание оптинского старца иеромонаха Митрофана*, file:///C:/Users/AsusPC/Downloads/book_4874(1).epub [15.04.2019].

¹¹ Там же.

¹² И.А. Юртаева, *К вопросу о традиционных житиях в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей»*, [в:] *Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики*. Межвуз. сб. науч. тр. Кемеровский гос. Университет, Кемерово : КемГУ, 1988, с. 115–125.

ких примеров житейных проекций героев, писателями открывается возможность показать читателю разновидности праведных человеческих судеб. При этом исследователи¹³ толстовского наследия достаточно четко выделили связи *Отца Сергия* с житийной традицией. В качестве источников различных эпизодов произведения Толстого литературоведы указывают прежде всего житие Иакова Постника, восходящее, в свою очередь, к Скитскому Патерику, а также жития Мартиниана, Сергия Радонежского, Аввакума, Тихона Задонского, Арсения и Пимена Великих (Скитский, Египетский, Алфавитный Патерики), проложное сказание о епархе Феодуле и миме Корнилиин и т.д.¹⁴ Яснополянский писатель ставит сильный акцент в характеристике отца Сергия на древние портреты святых, как подчеркивает толстовед Елена Мелешко в своей книге¹⁵, посвященной религиозно-этическим воззрениям автора *Воскресения*:

(...) христианская этика Толстого обнаруживает глубинную связь с идеалом древнерусской святости, с опытом жизни русских святых и старцев. (...) На его восприятие феномена святости существенно влияло его резкое неприятие любых церковных форм жизни, святость же предстала перед ним в церковном обрамлении. И отношение к ней Толстого было в связи с этим неоднозначным. С одной стороны, он не мог не видеть всей полноты выражения нравственных заповедей Христа в житиях многих святых. Притом не только у русских «страстотерпцев» с их подвигом непротivления, но и других кротких, смиренных, самоотреченных, милосердных святых. Но с другой стороны, он постоянно видел церковные рамки святой жизни, ее определенную отчужденность от народной среды¹⁶.

В приведенной выше цитате обнаруживается сложность и неоднозначность осмысления Толстым святости, в том и праведности, в результате неприятия им на позднем этапе творчества церковных форм жизни. Основываясь на этом, в повести *Отец Сергий* Толстым создан новый тип мирской святости близкий нравственно-бытовому подвижничеству. Парадоксально, можно считать,

¹³ Среди них можно перечислить: Н.А. Перевераяеву и ее статью *Символическая образность повести «Отец Сергий» в контексте древнерусской и народно-поэтической традиции*. Толстовский сборник, Тула 1992; И.П. Егорову – *Проблема веры и ее художественное выражение в творчестве Л.Н. Толстого 90-х годов*, [в:] *Литература Дальнего Востока и проблемы реализма*, Хабаровск 1976, с. 47–48; И.А. Юртаеву – *К вопросу о традиционных житиях в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергий»*, [в:] *Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики...*

¹⁴ А.Б. Тарасов, *Что есть истина? Праведники Льва Толстого...*

¹⁵ Е.Д. Мелешко, *Религиозно – нравственный опыт и образы духовной жизни: святость, юродство, мудрость*, [в:] *Христианская этика Л.Н. Толстого*, <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/public/meleshko-hristianskaya-etika-tolstogo/index.htm> [12.04.2019].

¹⁶ Там же.

что настоящим образцом праведника в повести является не главный персонаж – Степан Касатский, а эпизодическое лицо, дальняя его родственница – Пашенька¹⁷. Это у нее падший отец Сергей идет учиться жизни. Притом стоит отметить и тот факт, что часть толстоведов ставит сильный акцент на уходе Льва Толстого от житейных традиций и осмыслению праведнической темы в монастыре «своим отдельным путем». Например, Андрей Тарасов в главе книги под заглавием «*Монастырская» тема. Проблема праведничества и лжеправедничества в повести «Отец Сергей»*¹⁸ ссылается на мнение архиепископа Иоанна Шаховского, который в своей статье *Революция Толстого (1937)*¹⁹ выдвинул существенное замечание, что в повести *Отец Сергей*:

(...) поставлен принципиальный вопрос о неадекватности подхода к образу отца Сергея как к воплощению церковного понимания праведничества. В статье владыки Иоанна находим и любопытные примеры незнания Толстым самого предмета обличения. Так, согласно тексту повести, впадшего в грех гордости отца Сергея его «старец» отправляет в затвор, между тем общеизвестно, что затворничество является не средством наказания, а высшим образом монашеской жизни и духовного деяния²⁰.

В дальнейшем Андрей Тарасов подчеркивает однако, что в повести *Отец Сергей* присутствует и позитивная направленность толстовской «тенденции», выраженная через образы «авторских праведников», то есть Пашеньку и Степана Касатского после отречения от монашества²¹. В случае *Лавра* Евгения Водолазкина обнаруживаем непосредственную связь данного литературного текста с древнерусской письменностью. Анна Маглий в своей статье²² обращает внимание на факт, что в романе:

¹⁷ Образ Пашеньки в толстовской повести представлен литературоведами по-разному. Во-первых, И.А. Юртаева делает аналогии данного лица с Исидорой Юродивой, подчеркивая ее смирение и готовность к жертвам во имя Бога (И.А. Юртаева, *К вопросу о традиционных житиях в повести Л.Н. Толстого «Отец Сергей»...*, с. 122). Иначе оценивает Пашеньку другая ученая – И.П. Егорова, которая приходит к выводу, что облик жизни Пашеньки вытекает не столько с ее истинной мудрости, сколько становится результатом ее неудавшейся жизни (И.П. Егорова, *Проблема веры и ее художественное выражение в творчестве Л.Н. Толстого 90-х годов...*, с. 47–48).

¹⁸ А.Б. Тарасов, *Что есть истина? Праведники Льва Толстого...*

¹⁹ Иоанн (Шаховской), архиепископ Сан-Францисский, *Избранное*, Петрозаводск 1992, с. 257.

²⁰ А.Б. Тарасов, *Что есть истина? Праведники Льва Толстого...*

²¹ Там же.

²² А.Д. Маглий, *Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»*, Вестник Московского Университета, сер. 9. Филология, 2015, № 1, с. 177–186.

(...) происходит обновление традиционных канонических жанровых структур – жития, хроники и палеи. Интерес удваивает то, что роман написан профессиональным филологом, научные поиски которого получили воплощение в романной форме. По определению самого автора (специалиста по древнерусской литературе), *Лавр* представляет собой современное житие, неисторический роман²³.

Некоторые исследователи²⁴ пытаются сравнивать жизнь Лавра с прототипами святых из житий, особенно *Житием Феодосия Печерского* (конец XI в.), *Хождением игумена Даниила* (XII в.), или с *Житием святого Франциска Ассизского* (XIII в.), указывая на сходства и различия в сюжетных и художественных приемах сравниваемых текстовых представлений. Притом сам Водолазкин в одном из интервью²⁵ подчеркивает, что его роман *Лавр* содержит в себе элементы средневековой поэтики, которая находит развитие в литературе «нового времени», но уже в ином восприятии, так как средневековая письменность была внехудожественной, лишённой вымысла и строилась по особым законам. В упомянутом выше интервью под заглавием *Евгений Водолазкин: «Лавр» пошел по стопам Льва Толстого*²⁶ особо для нас важным становится взгляд петербургского писателя, подтверждающий его близость с концепцией святости в позднем периоде творчества Льва Толстого:

У Толстого в *Исповеди* есть замечание, что уходя в мир иной, человек не возьмет жизнь во всей его конкретике и не унесет с собой деталей. Толстому казалось, что человек уходит просто с некой общей идеей жизни, с некоторым общим опытом, который уже не может быть разделен на эпизоды. Просто с каким-то ощущением добра и зла, к которому он приходит²⁷.

Водолазкин сосредоточивается в своем высказывании, вслед за Толстым, на понятии разных видов святости как на проявлениях целостного опыта жизни праведника. Данное замечание приводит к тщательному анализу как в повести *Отец Сергий*, так и в романе *Лавр*, учитывая именно образ жизни героев.

²³ Там же, с. 178.

²⁴ В. Trojanowska, «*Лавр*» Евгения Водолазкина – диалог с древнерусской литературной традицией, Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica 11. *Typy twórczości literackiej: od mistrza pióra do grafomana. Виды литературного творчества: от мастера пера к графоману*, pod red. E. Sadzińskiej i A. Szymańskiej, Łódź 2018, с. 203–213.

²⁵ Е. Водолазкин: «*Лавр*» пошел по стопам Льва Толстого, www.synergia-lib.ru/index.php?section_id=178&id=353 [1.05.2019].

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

В обоих случаях писатели стараются дать полное описание судьбы своих главных персонажей. В толстовской повести первая информация о герое касается 40-х годов, когда-то красавец и князь – Степан Касатский, которому предсказывали блестящую военную карьеру, вдруг на месяц до женитьбы бросил свою невесту и службу при императоре Николае I, чтобы стать монахом. Прием ретроспекции позволяет Толстому сосредоточить внимание читателя на психологическом аспекте выборов главного персонажа: дальше описывается его детство, смерть отца, переезд с матерью и сестрой в Петербург, учеба и удачная служба в ранге офицера в гвардейском аристократическом полку. В повести этот этап светской жизни Касатского описан следующим образом:

С внешней стороны Касатский казался самым обыкновенным молодым блестящим гвардейцем, делающим карьеру, но внутри его шла сложная и напряженная работа. (...) в сущности одна и та же, состоящая в том, чтобы во всех делах, представляющихся ему на пути, достигать совершенства и успеха, вызывающего похвалы и удивление людей. Было ли это ученье, науки, он брался за них и работал до тех пор, пока его хвалили и ставили в пример другим²⁸.

В этой цитате отмечается важная черта характера Касатского, который в любом деянии хотел добиться цели и совершенства, а затем, достигнув ее, искал новых вызовов, чтобы подтвердить свою исключительность. Именно в этом проявлялась его гордыня и излишняя уверенность в себе. Уход в монастырь в день Покрова Пресвятой Богородицы открывает новый – монашеский образ жизни отца Сергия – в мире Степана Касатского. К тому же в его монашеской жизни можно выделить и несколько отдельных жизнеописаний поменьше: первый этап смирения в начале пребывания в монастыре, затем второй этап – связан с переходом отца Сергия в столичный монастырь, где ему пришлось бороться с собственной гордыней и похотью. Третий этап его жизни – это затворничество и поселение в Тамбинской пустыни, где герой, все-таки, погружен в сомнения и борьбу с плотской страстью. Отец Сергий только в результате ухода из монастыря и начала бродяжнического образа жизни находит себя и Бога:

И он пошел, как шел до Пашеньки, от деревни до деревни, сходясь со странниками и странницами и прося ради хлеба и ночлега. (...) Если удавалось ему послужить людям или советом, или грамотой, или уговором ссорящихся, он не

²⁸ Л.Н. Толстой, *Отец Сергий*, [в:] *Повести и рассказы*, Москва: Мир Книги, 2007, с. 403. Следующие цитаты из этого издания даются в скобках после цитаты с обозначением фамилии писателя, года издания произведения и страницы.

видел благодарности, потому что уходил. И понемногу Бог стал проявляться в нем (Толстой, 2007: 438).

Подводя итоги нашего представления многоэтапного праведного пути отца Сергия, стоит отметить, за Андреем Тарасовым,²⁹ факт, что бывшего монаха привлекала идея покаяния не перед Богом, в чем состоит сущность молитвы православных святых, а именно перед собой и другими людьми. Причем такой способ характеристики героя Толстым вытекает из его мировоззрения, что выражено в отрывке дневниковых записей яснополянского писателя:

Мне не гордиться надо прошедшим да и настоящим, а смириться... просить прощения у людей (написал «у Бога», а потом вымарал). Пред Богом я меньше виноват, чем пред людьми: он сделал меня, допустил меня быть таким. Утешение только в том, что я не был зол никогда; на совести два-три поступка, которые и тогда мучали, а жесток я не был. Но все-таки гадина я отвратительная. И как хорошо это знать и помнить. Сейчас становишься добрее к людям, а это главное, одно нужно³⁰.

На основании как самого текста повести *Отец Сергий*, так и дневниковых замечаний самого Льва Толстого можно прийти к выводу, что картина жизни Степана Касатского, Пашеньки и матери Агнии (раньше блудницы Маковкиной) представляют собой три разные проекции праведничества у Толстого. На их характер и способ художественного осмысления повлияли не только житийные традиции, но, несомненно, сами взгляды автора *Исповеди* на понимание святости. «Авторскими праведниками» в повести Толстого Андрей Тарасов³¹ считает Пашеньку – как собственную праведницу, а Касатского называет кающимся грешником. Интересным в этом отношении становится покаяние блудницы Маковкиной, которая, увидев нравственную чистоту отца Сергия (в акте отрезания пальца топором, чтобы избавиться от плотской похоти), идет в обитель и становится матерью Агнией – ее молитвы направлены к Богу.

Для сравнения выдвинутых типов праведников у Толстого стоит обратиться к реализации праведнической темы в романе Евгения Водолазкина *Лавр*. Несомненно писатель ссылается на традиции средневековой письменности. Так, как и в житиях пытается представить жизнь своего главного персонажа с момента его рождения:

²⁹ А.Б. Тарасов, *Что есть истина? Праведники Льва Толстого....*

³⁰ Л.Н. Толстой, *Дневники*, с. 387, <http://rulibrary.ru/tolstoy/dnevnik/387> [11.05.2019].

³¹ А.Б. Тарасов, *Что есть истина? Праведники Льва Толстого....*

Он появился на свет в Рукиной слободке при Кириллово монастыре. Это произошло 8 мая 6948 года от Сотворения мира, с 1440-го от Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа, в день памяти Арсения Великого. Семь дней спустя во имя Арсения был крещен³²;

до его смерти:

Анастасия опускается перед Лавром на колени и долго на него смотрит. Касается губами его руки. Рука прохладна, но еще не холодна. Анастасия садится рядом с Лавром. Прижимается к нему. Анастасия знает, что Лавр мертв (Водолазкин 2017: 435).

Причем жизненный путь Арсения разделен в романе на четыре этапа, которые автор описал в очередных главах: *Книга Познания*, *Книга Отречения*, *Книга Пути*, *Книга Покоя*. Каждая из этих книг символизирует разные способы стремления праведника к совершенству в духовной жизни. Арсений, так в начале романа называется герой, живет в полной гармонии с природой и Богом. Для него характерно стремление к самоотречению в пользу других. Новые этапы жизни героя определяют также новые имена, которые он принимает на разных этапах своей жизни. Сначала он Арсений, затем Устин, Амвросий и наконец Лавр. Эти имена имеют знаковый характер и открывают разные способы стремления человека к святости. Итак, в *Книге Познания* автор приближает читателю детство Арсения, который уже на раннем этапе своей жизни испытывает чувство духовной боли, страдания, вызванное смертью близких, родителей, деда и, наконец, любимой женщины Устины. Мир природы приближает ему дед Христофор, который обучает внука лечению с помощью натуральных растительных средств:

Христофор не то, чтобы верил в травы, скорее он верил в то, что через всякую траву идет помощь Божья на определенное дело. Так же, как идет эта помощь и через людей. И те, и другие суть лишь инструменты (Водолазкин 2017: 18).

Христофор верил, что перед Арсением стоит выдающееся будущее и поэтому решил передать ему свое знание с молодых лет:

³² Е. Водолазкин, *Лавр*, Москва: Издательство АСТ, 2017, с. 13. Очередные цитаты из этого издания даются в скобках после цитаты с обозначением фамилии писателя, года издания произведения и страницы.

(...) с четырех лет Христофор стал учить мальчика травному делу. С утра до вечера они бродили по лесам и собирали разные травы (Водолазкин 2017: 18).

С самого детства Арсений проявлял великолепный талант к этому делу. С исключительной ловкостью и быстротой ловил каждое слово своего деда-учителя. Притом он не идет следом Александра Македонского – олицетворяющего в романе светскую культуру, а именно выбирает идеал религиозный; сначала подражая христианскому святому Арсению Великому³³, затем святому Амвросию Медиоланскому³⁴ и мученику Лавру³⁵. Со временем мальчик набирал каких-то свойственных сил:

Появление ребенка поднимало настроение. Это чувствовали все жители Рукиной слободки. Когда они брали Арсения за руку, ее не хотелось отпускать. Когда целовали его волосы, им казалось, что-то такое, что облегчало их непростую жизнь. И они были ему благодарны (Водолазкин 2017: 25).

После великого мора в Рукиной слободке, который стал причиной смерти родителей Арсения, он поселился у Христофора. Дед, размышляя о его будущем, записал в своих грамотах следующее:

Мальчик несомненно одарен (...) Он схватывает все на лету. Я обучил его травному делу, и оно прокормит его в жизни. Я передам ему многие другие знания, чтобы расширился его кругозор. Пусть знает, каким сотворен мир (Водолазкин 2017: 28).

Кроме научного знания, духовной боли и страдания, Арсений сталкивается с самым высшим чувством — с любовью. Это наступает после смерти Христофора. Тогда в жизни Арсения появляется женщина Устина, которая меняет его судьбу:

³³ Преподобный Арсений Великий – (354–449), святой первых веков христианства; был монахом, ушел в затвор, выходя к братии монастыря только на богослужения. Он автор замечательных наставлений о монашестве. Его память совершается в Православной церкви 8 мая (по юлианскому календарю), в Католической церкви 19 июля, <http://rublev.com/sviatye/arsenij-velikij> [12.05.2019].

³⁴ Святитель Амвросий, епископ Медиоланский – (ок. 340–397). Он принял святое Крещение у православного священника и, пройдя за семь дней все ступени церковной иерархии, 7 декабря 374 года был рукоположен в сан епископа Медиоланского и сразу же роздал всю свою собственность, деньги и имение на украшение храмов, пропитание сирот и нищих, сам же обратился к строгой подвижнической жизни, <https://lib.pravmir.ru/library/author/1> [12.05.2019].

³⁵ Лавр – раннехристианский мученик (II век), вместе со своим братом Флором вел богоугодную жизнь. Они были преданы смерти за веру во Христа. Их память совершается в Православной церкви 18 (31) августа, <http://flor-i-lavr.cerkov.ru/pokroviteli-xrama/> [12.05.2019].

У Арсения началась другая жизнь — полная любви и страха. Любви к Устине и страха, что она исчезнет так же внезапно, как пришла (Водолазкин 2017: 74).

Новый этап жизни Арсения придает смысл его мирному существованию и надежду на счастливое будущее с любимой женщиной и ребенком, которого они вместе ожидали. Однако судьба героев подвергает их неожиданному испытанию. Во время родов дитя и его мать умирают. Причиной смерти является убеждение Арсения в своем медицинском знании, которое как раз обмануло его самого. Раньше Арсений отказал Устине взывать о помощи слободскую повитуху. Осознание трагических обстоятельств заставляет Арсения искупить вину. Он готов понести ответственность за произошедшее. Теперь ему надо сделать все, чтобы достигнуть спасения души Устины и ребенка. А это возможно только путем совершения добра в пользу других, самоотречения, отказа от мирских соблазнов. Как сказал Арсению старец Никандр:

У тебя трудный путь, ведь история твоей любви только начинается. Теперь Арсение, все будет зависеть от силы твоей любви. И, конечно же, от силы твоей молитвы (Водолазкин 2017: 113).

С этого момента начинается следующий этап жизненного пути Арсения, подробности которого затронуты во второй главе романа — *Книге Отречения*. Согласно своим убеждениям о необходимости спасения души Устины, Арсений начинает себя называть Устином, достигая этим путем особой связи с покойницей. Он отправляется в далекий путь, бродит от села к селу, от города к городу, где ищет больных и нуждающихся в помощи. Он знает, что каждый исцеленный приближает его к Устине, а Устину к спасению и вечной жизни. Помощью в лечении оказалась и вера в свои чудотворные силы, которые Арсений приобрел нетипичным способом:

Время от времени Арсений чувствовал ангельское дуновение, и это его успокаивало. Теперь он мог полностью сосредоточиться на лечении больных. (...) Арсений горячо молился о выздоровлении недугующего. Держа лежащего человека за руку, он передавал ему жизненные силы. Отпускал его руку лишь тогда, когда чувствовал, что борьба жизни и смерти решается в пользу жизни (Водолазкин 2017: 124).

Об особых силах и чудотворстве Арсения свидетельствует факт, что пройдя столько мест, в которых царствовал мор и эпидемии чумы, он все-таки оставался в живых. Князь Михаил с Белозерска сказал Арсению следующее:

(...) ты сам не умер. Мне говорили, что ты прошел множество чумных деревень и не умер. В этом я вижу твою благословенность (Водолазкин 2017: 132).

Арсения считали избранным, назначенным Богом. В связи с этим о нем стало известно во всей Руси. Арсений получил самую большую славу после исцеления княгини и ее дочери. С того момента началось его особое возвышение среди русского народа. Князь Михаил, выражая свою признательность Арсению, решил сделать его придворным врачом и поселить в своем дворце. Однако скромность и смирение Арсения не позволяли ему на пользование такой славой. Он чувствовал себя виновным смерти Устины и их мальчика. Спасение их души было его главной целью. Поэтому он лечил всех встретившихся на своем пути и нуждающихся в помощи. Он исцелял десятки, сотни больных. Иногда помогал решать и другие проблемы, как например, бесплодность. К Арсению приходили и беременные, которые верили в его чудотворные силы:

На кладбище появляются беременные. Он смотрит на них сквозь слезы и кладет им ладонь на живот. После встречи с юродивым они чувствуют себя лучше, а роды происходят легко (Водолазкин 2017: 220–221).

Арсений никому не отказывал в помощи. Он пытался помочь всем, потому что исцеление больных приближало Устину к спасению, а его самого к гармонии с Богом.

Следующим этапом праведного пути Арсения является *Книга Пути*. В этой главе автор описал путь Арсения в Иерусалим, в который он собрался с человеком по имени Амброджо по просьбе посадника Гавриилы из Пскова, который попросил Амброджо, чтобы тот добрался до Иерусалима и в память его погибшей дочери Анны повесил в Храме Гроба Господня лампаду. Самым лучшим ему спутником оказался именно Арсений, который не отказался и в совершении этой христианской миссии. Путь во Святую Землю был тяжелым этапом борьбы Арсения за спасение души Устины. Только в таком месте как Иерусалим он мог непосредственно попросить о ней у самого Всевышнего. Обращаясь к Устине, Арсений сказал:

Так что я, любовь моя, иду к самому центру земли. Иду к той ее точке, которая ближе всего к Небу. Если дано моим словам долететь до Неба, то произойдет это именно там. А все мои слова — о тебе (Водолазкин 2017: 248).

Решение Арсения о совершении путешествия в Иерусалим свидетельствует о его глубокой христианской вере. Это доказательство того, что Арсений готов пожертвовать собой во имя любимой и ребенка для того, чтобы они нашли

духовное спокойствие. Во время пути Арсений продолжает исцелять больных, но его практика вышла уже на новый уровень, на что указывает предложение юродивого Фомы отдать ему мешок с грамотами Христофора, которые, по его мнению, больше не нужны Арсению:

Не скорби Арсение, поскольку собранная Христофором мудрость войдет в тебя бесписьменным путем. Что же касается описаний трав, то для тебя, я считаю, это уже пройденный этап. Исцеляй болящих, принимая их грехи на себя. Как ты, надеюсь, понимаешь, для такого лечения не требуются травы (Водолазкин 2017: 245).

Излечение и обнадеживание больных представляло такую же ценность для нуждающихся в помощи, что для Арсения спасение Устины. Однако Арсений стал сомневаться в эффективности своей деятельности и смысле взятого на себя труда:

Я много лет пытаюсь служить спасению Устины, которую убил. И все не понимаю, благодатен ли мой труд. Я все жду какого-то знака, который указал бы мне, что я иду в правильном направлении, но все эти годы я не видел ни одного знака. (...) Если бы речь шла о моем спасении, я бы не проявлял нетерпения. Я двигался бы дальше и дальше, пока шли бы мои ноги, ибо не боюсь движения и усилий. Я лишь боюсь, что иду не туда (Водолазкин 2017: 278).

Амброждо объяснил ему: *Главная трудность состоит, я думаю, не в движении, а в выборе пути* (Водолазкин 2017: 278). Арсений стал бояться, что его труд окажется напрасным, что он не будет в состоянии помочь в спасении души Устины и тем самым не искупит свою вину за произошедшее. Однако все сомнения Арсения рассеялись благодаря его сильной любви, намеренности выполнить обещание данное Устине, а также его религиозности. Арсений часто молился, разговаривал с Богом, заходя в каждую церковь по дороге в Иерусалим. Повседневной традицией стал и разговор с Устиной. Таким образом он хотел компенсировать свои вины:

А я все не прихожу в отчаяние. По мере сил все-таки стараюсь рассказывать Устине о происходящем здесь. Она ведь не дожила жизнь, вот я и пытаюсь как-то восполнить непережитое. Только это трудно. Жизнь в целом, во всех деталях, не рассказать (Водолазкин 2017: 312).

Дорога Арсения к Святой Земле была долгая, сложная и очень опасная. Арсению и его спутникам пришлось испытать судьбу и преодолеть всякие трудности. Арсению это удалось благодаря его божественному назначению.

Он выжил и вернулся на родную Русь, чтобы довести до конца свой праведный путь.

После самого тяжелого испытания, Арсений вышел на новый и последний этап жизненного пути — покоя (*Книга Покоя*). Он вернулся в Псков, жители которого ожидали его возвращения, предвиденного раньше юродивым Фомой. Перед своей смертью Фома успел предупредить жителей Пскова, что: *Вас ждет великий мор, но вам поможет раб Божий Арсений, вернувшись из Иерусалима* (Водолазкин 2017: 357). Арсению опять пришлось провести бой с мором и чумой. Ему казалось, что он потерял свои чудотворные силы, но оказалось по-другому:

Исцеляя людей, Арсений все чаще замечал, что именно с этой силой, а не толченой серой и желтком связано их выздоровление. Сера и желток не вредили и не помогали. Важной была внутренняя работа Арсения, его способность сосредоточиться на молитве, одновременно растворяясь с больным. И если больной выздоравливал, это было его, Арсения, выздоровление. Если же больной умирал, с ним умирал Арсений. И ощутив себя живым, обливался слезами и стыдился того, что больной мертв, а он жив. К Арсению пришло понимание того, что виной смерти была не сила болезни, а слабость его молитвы (Водолазкин 2017: 359–360).

В души Арсения все больше возрастало сознание вины и ответственности за страдание всех людей. Он чувствовал себя обязанным лечить больных, чтобы спасти их от смерти и искупить свои грехи. Арсений верит в то, что ему удастся реализовать Божьи намерения. Сильная любовь превышает чувство слабости и сомнения. Чрезвычайной силы придавала Арсению также вера людей в его исцелительную деятельность.

Именно благодаря общению с людьми, Арсений становился все сильнее. Силу, которую получал во время исцеления, передавал следующим нуждающимся в помощи. Ключевым моментом в жизненном пути Арсения было его пострижение в Кирилловом монастыре и принятие нового имени — Амвросий. С этого момента начинается следующий этап жизни главного героя — монастырская жизнь. Теперь Амвросий мог еще больше сблизиться с Богом, служить ему и разговаривать с ним в любое время. Каждый день в монастыре возрастала надежда и умиротворение Амвросия. Он даже перестал сомневаться в своих силах и своем праведном пути:

Он теперь не сомневался в правильности своего пути, потому что уверился, что идет путем единственно возможным (Водолазкин 2017: 381).

После этапа умиротворения, Амвросий понял, что ему надо найти уединение. Старец Иннокентий, понимая духовные запросы Амвросия, сказал:

Есть время для общения, и есть время для уединения. (...) теперь, когда в отношении конца света мы более или менее спокойны, настало время для уединения. Готовься Амвросие, сего лета примешь схиму (Водолазкин 2017: 398).

Во время принятия схимы, Амвросий получил новое и четвертое имя – Лавр. Данное имя выбрано, потому что 18 августа, в день большой схимы Амвросия, отмечался день святых мучеников Флора и Лавра. Выбор сделан неслучайно. Старец Иннокентий объяснил решение следующим образом:

Хорошее имя Лавр, ибо растение, тебе отныне тезоименитое, целебно. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь (Водолазкин 2017: 401).

Новое имя главного героя символизирует своего рода победу в жизненном пути. Лавр ассоциируется прежде всего с наградой, с победой в олимпийских играх. Согласно *Толковому Словарю Русского Языка*, «ветви этого дерева, венок из них как символ победы, силы, награды»³⁶. Герой Е. Водолазкина заслуживает того имени. Оно одновременно является награждением за правильно прожитый праведный путь. Несмотря на всякие трудности, с которыми столкнулся Лавр, он не сдался и последовательно реализовывал свои намерения. Он терпеливо сносил боль, страдание, причиняемые ему зло и обиды. Лавр провел свой жизненный путь согласно религиозным правилам, нравственным нормам, в гармонии с Богом, природой и самим собой.

Сравнивая реализацию праведнической темы в повести Толстого *Отец Сергий* и в романе Водолазкина *Лавр*, стоит обратить внимание на факт, что главное сходство касается многоэтапности духовной жизни героев, которые в целом создают жизненный опыт праведников. Об этой связи, напомним, сообщал петербургский писатель в интервью *Евгений Водолазкин: «Лавр» пошел по стопам Льва Толстого*³⁷. Однако у Толстого эти, выделенные нами, периоды в жизни Касатского напоминают очередные этапы борьбы с собственной гордыней и плотской похотью. Только уход «в люди», начало бродячей жизни, являясь испытанием для бывшего отца Сергия, открыло перед ним праведный путь к людям и Богу. В то же время в водолазкинском романе четыре имени героя: Арсений/ Амвросий/Устин/Лавр это как бы отдельные праведные пути к святости, но касающиеся, однако, одного главного персонажа. Арсений так,

³⁶ *Толковый словарь русского языка...*, с. 317.

³⁷ Евгений Водолазкин: *«Лавр» пошел по стопам Льва Толстого...*

как и отец Сергей переживает сомнения, ощущение своей греховности (в данном случае – ответственность за смерть Устины и ребенка). И он, приближаясь к людям, сильнее ощущает свою близость к Богу. Религиозность и нравственность Лавра могут послужить примером для подражания современному русскому человеку. Так, как и последний, подвижнический этап жизни Касатского. Несомненно оба писателя дают себе отчет в человеческой греховности и постоянной потребности борьбы человека с внешним злом, но прежде всего – со злом внутренним. Причем на образ праведника в неоконченной повести Толстого повлияли и его мировоззрения, касающиеся сути святости и соотношений на пути человек – Бог. Однако, учитывая житийные традиции жанра, Толстому, а особенно Водолазкину удалось создать новые прозаические формы, впитывающие в себя элементы средневековой поэтики и показать, что проекции праведников могут быть актуальными и в наши времена.